

А. Титов. Казбек. Государственное издательство
«Физкультура и спорт». Москва, 1938 г.

Завоевание Казбека

Первые альпинисты на Казбеке

Первые сведения о Казбеке. От XVIII в. дошло до нас сообщение, записанное несколько позднее грузинским писателем Иоанном Батонишвили в его сочинении «Калмасоба». Оно гласит, что некий Иосиф Мохевец «совершил восхождение на вершину Казбека, на которую не вступала нога человека». Если в основе этого легендарного сообщения лежит действительный факт восхождения, тогда неизвестный мохевец становится современником, а возможно и предшественником знаменитого Жака Бальма, швейцарского крестьянина, родоначальника альпийских проводников, который первым взойшел на вершину Монблана (4800 м) в 1786 г.

В это же время Якоб Рейнегтс, врач при дворе последнего грузинского царя Ираклия II, путешествуя, собирал сведения о Казбеке, который называл «снежной горой селения Степан-Цминда». Он записал предание о сокровищах, спрятанных на вершине этой горы, и снова сообщил о неудачной попытке некоего грузинского священника проникнуть к ней.

Первые исследователи Ф. Паррот и М. Энгельгардт. Еще во время прокладки дороги, до открытия колесного движения по ней, в 1811 г. в ущельях Казбека работали будущие крупные ученые Фридрих Паррот и Мориц Энгельгардт. По поручению правительства они проводили первую орометрическую нивелировку Крыма и только что «присоединенного» Кавказа. Во Владикавказе их встретил один из князей Казбеков и проводил до сел. Степан-Цминда с отрядом казаков «ввиду опасности пути».

Обоим будущим профессорам Дерпта вместе было всего-навсего 50 лет. Двадцатилетний Фридрих Паррот, будущий покоритель вершины Арарата, был еще студентом Дерптского университета. Он был полон юношеского задора и дерзаний. Пока

Энгельгардт, на котором лежала вся геологическая часть экспедиции, исследовал окрестные ледники, совершая ежедневные восхождения к их языкам, он задумал взойти на вершину Казбека. Князья Казбеки подыскиали ему спутников из числа местных жителей, но те, достигнув с Парротом снеговой линии, отказались следовать дальше. Паррот пытался идти один, но плохая дорога и собственная неопытность помешали ему подняться выше 3907 м.

5 сентября, через пять дней после своей неудачи, Паррот снова вышел к вершине, но уже в сопровождении четырех солдат, которых ему дали из Степан-Цминдского укрепления. Тем путем, который знают теперь тысячи альпинистов, мимо Цминда-Самеба по хребту Квена-мта и через Гергетский ледник, они направились к вершине. Но припадки горной болезни у большинства солдат и разыгравшаяся снежная буря снова заставили их вернуться. Упрямый Паррот задумал третье восхождение и только рано наступившая зима заставила его вместе с Энгельгардтом прекратить работу и покинуть ущелье.

Пребывание их на Казбеке значительно обогатило науку. В своем совместном труде, который вышел в 1815 г., Паррот и Энгельгардт дали первые сведения о флоре и горных породах Казбека, а также оставили интересное описание современного им Владикавказа и Военно-Грузинской дороги.

Попытка доктора Коленати. Открытие в 1814 г. колесного движения по Военно-Грузинской дороге значительно облегчило путь к Степан-Цминде.

В 40-х годах Казбек неоднократно посещал доктор Коленати, ученый, работавший в петербургской Академии наук. Он исследовал геологическое строение Казбека и его ледники, иногда охотился на туров с мохевцами, сопровождавшими его в горах. 11 августа 1844 г. он предпринял попытку взойти на Казбек. В спутники себе Коленати отобрал пять человек из жителей сел. Казбек и Гергети. Ему удалось подняться на 500 м выше Паррота, но плохая погода заставила его вернуться.

Он был уверен, что от высшей точки, достигнутой им (4436 м), до вершины оставалось всего 60 — 70 м. На самом же деле

впереди лежал труднейший участок с подъемом более 500 метров.

Неудача доктора Коленати завершила второй этап освоения Казбека. Собраны и опубликованы первые научные материалы, но самая вершина по-прежнему оставалась непокоренной.

После доктора Коленати в течение 24 лет никто не делал попытки продолжить дело первых восходителей.

За эти четверть века альпинизм в Европе получил широкое распространение и популярность не только как средство научного исследования высоких слоев атмосферы, но и как увлекательный вид спорта. Спортивное начало внесли в альпинизм англичане. Они штурмовали большинство альпийских вершин, проникнуть к подножию которых уже не представлялось особенно трудным, так как перевальные железные дороги, гостиницы, горные хижины, приюты и кадры профессионалов-проводников были к услугам туристов.

Взоры наиболее тренированных альпинистов были обращены не только на Альпы, но и на другие горные области, среди которых особое внимание было уделено Кавказу.

Первовосхождение Фрешфильда. В середине июня 1868 г. к подножию Казбека прибыла группа англичан, членов Альпийского клуба. Их было трое: Д. Фрешфильд, В. Мур и К. Туккер. Опытный швейцарский проводник Франсуа Девуассу сопровождал их на вершину. Но Фрешфильд, несмотря на свои 23 года, имел уже серьезные победы в Западных Альпах, где в 1864 г., сразу после окончания Оксфордского университета, он совершил первовосхождение на высочайшую вершину этих мест — Персанеллу.

18 июня по дороге, которая оказалась неудачной для Паррота и Коленати, они вышли к вершине. Как опытный альпинист, Фрешфильд знал ценность спутников, знакомых с местностью. Он взял с собой 4 местных жителей; одним из них был Цоголь Бузуртанов, сыновья которого стали впоследствии замечательными проводниками на Казбек.

На этот раз погода благоприятствовала альпинистам, и, переночевав на высоте 3353 м, группа вышла в путь к вершине в третьем часу утра. По сообщению Фрешфильда, местные жители ночью бесследно исчезли. Однако исследователь казбекских ледников Хатисян приводит свидетельство Цоголя Бузуртанова, утверждавшего, что англичане ушли от них, не желая делить честь восхождения с местными жителями.

Путь по леднику и фирну был тяжел и опасен. «Для нас, — вспоминает Фрешфильд, — осталось навсегда загадкой, как мы, пробираясь шаг за шагом, не поскользнулись и не оборвались».

В 11 часов утра; наш второй день пути, группа была на седловине между двумя вершинами Казбека. К западной вершине тянулся узкий ледяной гребень. Альпинисты с восторгом заметили, что этого труднейшего пути им совершить не придется; западная вершина оказалась ниже восточной, а к последней дорога с седловины была не так трудна.

В полдень 19 июня группа Фрешфильда вступила на вершину и этим открыла новую страницу не только в истории Казбека, но и всего высокогорного Кавказа. Обратно спустились по северо-восточному склону в сторону Девдорака, по Чачскому леднику и ущелью.

После возвращения с Казбека группа прошла южными склонами Кавказского хребта и в конце путешествия совершила другое первовосхождение — на Эльбрус.

Свое путешествие на Кавказ Фрешфильд повторил в 1887 и 1889 гг. Ему принадлежат первовосхождения на вершины: Тетнульд, Шода, Ляйлу и др. Но впечатления от Казбека, с которого он начал свой путь исследователя высокогорного Кавказа, остались у Фрешфильда на всю жизнь. «Казбек — классическая гора», — повторял он неоднократно.

Итогом путешествия Фрешфильда был большой труд «Исследование Кавказа» (1894 г.) и карта Центрального Кавказа, которую и теперь еще можно встретить в планшетах наших альпинистов.

Восхождение В. Козьмина. Первым русским альпинистом, взошедшим на вершину Казбека, был В. Козьмин. Он использовал отчасти обратный путь Фрешфильда, но из Дарьяла шел ущельем Кобахи и через Девдоракский ледник добрался до скал Амилиш-хи (Омалиш-хи), где провел ночь. Минуя скалы Ии II Волгишки, он поднялся на вершину по крутому скату северного склона. Это было 15 июля 1873 г., т. е. через пять лет после первовосхождения Фрешфильда. С ним впервые поднялись четыре местных жителя — ингуши из сел. Гвелети. На вершине они пробыли всего 15 мин. и стали торопиться со спуском, так как бушевала метель.

Описывая свое путешествие на страницах газеты «Кавказ» (№№ 94, 95 за 1873 г.), Козьмин сделал вывод о сравнительной легкости и доступности пройденного пути. «Я думаю, — писал он, — что в хорошую погоду восхождение и обратный путь можно будет сделать в $2\frac{1}{2}$ дня без всякого утомления».

Среди местного населения, особенно среди осетин, факт восхождения на вершину все еще подвергался сомнению.

Восхождения возобновились только через 14 лет, но 1887 г. не принес ничего нового.

Инженер Роберт Лерхо с проводником Мюллером удачно прошли путем Фрешфильда, а страсбургский архивариус Винкельман на том же пути потерпел неудачу и не достиг вершины.

Зато в последующие 1888 — 89 гг. начинается штурм вершины с совершенно еще необследованного северного склона, со стороны Геналдонского ледника. Этим восхождениям, помимо большого научного значения, было суждено окончательно разрушить среди местного населения легенду о недоступности вершины Казбека.

Восхождение А.В. Пастухова. В 1888 г. житель Владикавказа, осетин по национальности, Тулатов впервые прокладывает путь к Казбеку со стороны Геналдонского ледника. В осетинском селении Тменикау, расположенном в верховьях р. Генал-дон, он отыскал себе смелого спутника, местного охотника за турами; тоже осетина — Царахова. Тулатов взял с собой красный

флаг, который он хотел утвердить на вершине и этим доказать населению факт своего восхождения. Но снежная буря и дождь помешали Тулатову и Царахову. Ни 14 июля, ни вторично 8 августа им не удалось достичь вершины и флаг пришлось оставить на подступах к ней. Но мысль Тулатова была подхвачена и осуществлена в следующем же году топографом и альпинистом Пастуховым.

Пастухов проводил летом 1889 г. топографическую съемку в долине Генал-дона и ему захотелось осуществить свое давнишнее желание побывать на вершине Казбека. Несмотря на свои 28 лет, Пастухов был уже в достаточной мере опытным альпинистом. С 20 лет он работал в Кавказском военно-топографическом отделе и последние 2 года работы провел в верховьях Аргуна, где ему приходилось забираться в наиболее возвышенные части Андийского хребта. Несмотря на это, восхождение на Казбек явилось для Пастухова серьезным испытанием и первой ступенью к будущим победам на Эльбрусе и Арарате.

Приехав в Тменикау, Пастухов предусмотрительно разыскал Царахова и уговорил его снова идти на вершину. Кроме того, он взял из своего отряда двух казаков — Лапкина и Потапова. Переночевав на 27 июля у Тменикауских горячих источников в 30 м от Майлийского ледника, они в 3 часа пополудни начали восхождение. По леднику шли, подвязав к ногам стальные кошки и вооружившись палками со стальными наконечниками. Пастухов шел впереди, прокладывая путь. В руках у него длинный шест-древко, а среди немногочисленных вещей в дорожной сумке 3 аршина красного кумача для будущего флага на вершине.

Проходя по месту, где ледник оказался покрытым снегом недавнего обвала, Пастухов оступился и полетел в трещину, замаскированную снегом; спас его от неминуемой смерти шест, который он нес в горизонтальном положении и не выпустил из рук, висая над страшной голубоватой бездной.

Первую холодную ночь провели под прикрытием скалы. Наутро у Потапова появились приступы горной болезни. Пришлось его оставить в 200 м от ночлега со значительным запасом продуктов.

В полдень подошли к гигантскому фирновому бассейну, занимавшему, по крайней мере, 6 кв. км. Высотомер показывал 13 664 фута. В этот день на фирне древко вторично спасло Пастухова от смерти на дне ледяной пропасти. Пришлось идти еще медленней, еще осторожней. Горная болезнь мучила все больше и больше, к ней присоединилась страшная жажда. В конце дня для второго ночлега подыскивали небольшую площадку, усеянную сланцевым щебнем. Вторая ночь была холодней предыдущей и заснуть было трудно.

Туман, который окутал вершину Казбека и полз по фирновому полю, вскоре рассеялся.

«Над нами было синее, почти черное небо, усеянное звездами, — вспоминает Пастухов. — Из-за вершины Казбека тихо всплывала луна, обливая своим светом серебряную поверхность снегов. Иногда среди этой тишины раздавался страшный треск льда и, повторившись стоголосым эхо, тихо замирал где-нибудь в отдаленном ущелье».

Утром 29 июля продолжали подъем. Вышли втроем, но новые жестокие приступы горной болезни мешали идти Лапкину. В глазах темнело, ноги становились чужими, пришлось отпустить и его и двигаться дальше вдвоем.

Из-за плотного утреннего тумана пошли в южном направлении и подошли к основанию западной вершины. Увидев ошибку, повернули в юго-восточном направлении; дойдя до соединения двух вершин, повернули на восток и стали подниматься к перевалу между вершинами Казбека. Склон труден и крут, приходилось рубить ступени. Вскоре и Царахов выбился из сил. Все настойчивей звал он вернуться назад, останавливался, оставлял Пастухова и начинал спуск, но, видя, с каким упорством тот продолжает молча идти вперед, снова следовал за ним.

В 12,5 час. дня они достигли середины хребта, идущего от западной вершины к перевалу, и сделали остановку. Кругом было снежно и тихо. Спокойно высились белые вершины, синело небо. И вдруг три бабочки красноватого цвета пронеслись одна за другой,

легко уносимые ветром в южном направлении. За два дня это была первая встреча с живыми существами.

При спуске с перевала нашли флаг, оставленный здесь, в прошлом году Тулатовым.

В половине второго Пастухов и Царахов подошли к основанию восточной вершины и, вырубая ступени в почти отвесной стене, начали последний подъем. В 4 часа дня они вступили на вершину. Пастухов не мог впоследствии передать, какой изумительный вид открылся оттуда в этот ясный вечер, когда заходящее солнце заливало бесконечные цепи снежных хребтов и вершин. Сделав необходимые наблюдения и измерения вершины, Пастухов и Царахов стали укреплять на высоком древке красное трехметровое полотнище. Ветер легко подхватил его, и первый флаг заалел над Казбеком. Его видели из окружающих селений простым глазом, а из Владикавказа его можно было рассмотреть в бинокль.

Так, вера в неприступность Казбека была окончательно разрушена у местного населения только после шестого восхождения на эту вершину.

Пастухову повезло не до конца. Перед спуском отряда в Тменикау, над ущельем Генал-дона пронесся ливень необычайной силы. Потоки воды смыли зреющие посевы овса и ячменя, затопили дома, размывли дороги. Наиболее темная часть населения истолковала ливень по-своему: русский «сманил» осетина, они вместе осквернили своими ногами вершину, никто не сумел остановить их. Теперь бог отомстил всему Тменикау за совершенный грех. Но, несмотря на прямое натравливание толпы на Пастухова, уважение к отваге и храбрости взяли верх и он благополучно выбрался из селения.

В том же году путем Фрешфильда удачно поднялись на Казбек еще две иностранные группы с альпийскими проводниками. Одна из них в составе альпинистов Рукдешеля, Гирша и проводника Мюллера, поставила своеобразный рекорд быстроты восхождения на восточную вершину Казбека. Все восхождение заняло у них 16 час. 55 мин. Из них на подъем было потрачено 12 час. 45 мин., а на спуск 4 ч. 15 мин.

Восхождение Г. Мерцбахера. Через два года, в 1891 г., по Кавказу путешествовал член австро-германского альпийского клуба, будущий профессор и известный исследователь Кавказа и Памира Г. Мерцбахер. Он поднялся на Казбек путем Тулатова и Пастухова, но более удачно, чем они.

Путь до вершины, на который Пастухов потратил 3 трудных дня, Мерцбахер легко преодолел в 1 день. Но этот успех, по признанию самого Мерцбахера, объяснялся исключительно благоприятным состоянием снега, одинаково плотного на всем пути.

В 90-х годах было еще четыре восхождения на вершину: два из них — полковника Ерофеева и геолога Штебера в 1895 г. и альпинистов Сипягина и Красногорского в 1897 г. — сделаны в сопровождении жителей сел. Гвелеты Бузуртановых, за которыми установилась прочная слава лучших знатоков пути к вершине через Девдоракский ледник. И большинство восхождений последующих лет прошли через Девдорак.

Достижения М. П. Преображенской. Этим же путем в 1900 г., сопровождаемая Бузуртановым, совершила восхождение первая русская альпинистка М.П. Преображенская. Скромная учительница Владикавказской гимназии, она стала неутомимой «казбекисткой». В течение последующих 20 лет она поднялась на вершину еще восемь раз.

В 1902 г. она установила градусник на вершине Казбека, а в 1912 г. по заданию Геофизической обсерватории подняла на вершину первую метеорологическую будку, но наладить регулярную съемку показаний с приборов ей не удалось.

Преображенской принадлежат первые туристские описания путешествий по Кистинскому ущелью и вокруг вершин Казбека по фирновым полям и ледникам. (М. П. Преображенская: 1. Восхождение на вершину Казбека. «Известия Русск. геогр. о-ва», т. XXXVII, вып. 1.

2. Метеорологическая будка на вершине Казбека. «Известия Кавк. отд. Русск. геогр. о-ва», т. XXI, вып. 3.

3. Вокруг Казбека. «Ежегодник Русск. горного о-ва», т. III, 1903.

4. Кистинское ущелье — там же, т. II, 1902.

5. Четыре восхождения на вершину Казбека. Журн. «Землеведение». 1912 г., №№ 1 и 2.).

Первое восхождение Преображенской было двенадцатым по счету восхождением на Казбек за 32 года, отделявшие его от первовосхождения Фрешфильда.

В 90-х годах туристский поток на Военно-Грузинской дороге увеличился. На летний сезон в сел. Казбек было открыто несколько гостиниц. Увеличилось и число желающих подняться на вершину. Это были большей частью небольшие группы чисто альпинистского характера, успех которых подчас целиком зависел от проводников. Вместе с Бузуртановым в эти годы работали и проводники-мохевцы, среди которых особенно выделялись Гаха Циклаури и Котэ Пицхелаури.

Восхождения на Казбек в 1903 — 1913 гг. Популярность Девдоракского пути в эти годы объяснялась еще и тем, что у подножия ледника уже существовала наблюдательная будка, в которой останавливались туристы при подъеме к вершине. В 1903 г. по поручению Русского горного общества Бузуртановы приступили к сооружению в верховьях Девдорака специальной горной хижины для альпинистов. Для нее было выбрано место в одной из впадин крутого Барткорта над Девдораком ниже I и II Волгишек на высоте 3480 м. Хижина была сложена из камня, покрыта железом и состояла всего из одной комнаты с «площадью» 3X4 м. Эти более чем скромные размеры являются лучшим доказательством «камерности» русского дореволюционного альпинизма, бывшего достоянием ограниченного круга людей. Хижина была открыта в августе того же года и стала известной под названием Ермоловской.

В эти годы на Девдораке предприниматель Бицлер открыл эксплуатацию месторождения меди. Была разработана дорога к руднику, около Гвелети стало шумно и оживленно. Штейгером Бицлеровского рудника работал в течение нескольких лет Андрей Игнатьевич Духовской. Заведая разведочными работами на руднике, он попутно проводил большую работу по обследованию ледников Казбекского массива и проверял одноверстную карту. В связи с этой работой он обошел вокруг вершин Казбека и спускался в большинство ущелий среди его отрогов. Он трижды поднимался на вершину, где проводил инструментальную съемку (1910 — 1912 гг.). Его неизменным спутником был уже поседевший к тому времени Яни Бузуртанов.

Работы Духовского завершили дореволюционную историю исследований вершины Казбека и его массива.

Вместе с Духовским несколько раз поднимался к вершине молодой мохевец Ягор Казаликашвили, который с 1905 г. работал в шахте Девдоракского рудника.

Во время этих восхождений он проявил исключительные качества проводника. Ягору Казаликашвили было суждено войти в историю советского альпинизма не безвестным носильщиком и проводником, а полноправным участником большинства высокогорных исследовательских экспедиций и получить значок почетного альпиниста. Империалистическая война сократила, а затем и вовсе прервала течение туристского потока по Военно-Грузинской дороге. В Хеви прошла мобилизация, мохевцы со своими арбами отправились на турецкий фронт; в их числе был и Я. Казаликашвили.

Наступили годы гражданской войны. Меншевики захватили власть в Грузии. В Дарьяле был установлен пограничный пост, прервано сквозное движение по Военно-Грузинской дороге.

За эти годы только М. П. Преображенская сумела побывать на вершине Казбека. В 1920 г. она совершила свое девятое и последнее восхождение, и этим как бы отметила двадцатилетие своей альпинистской деятельности.

Первые советские экспедиции на Казбек. После свержения меньшевистского правительства советская Грузия начала работы по восстановлению сильно разрушенной за годы империалистической и гражданской войны Военно-Грузинской дороги, и летом 1923 г. ущелья Мохевии увидели первых советских туристов и альпинистов.

1923 г. стал годом рождения советского альпинизма. 28 августа Казбек принял на своей вершине 18 первых советских альпинистов во главе с проф. Г. Н. Николадзе, который объединил и подготовил к этому восхождению группу грузинской молодежи. Путь на Казбек этой группе показывали такие знатоки, как Гаха Циклаури и Ягор Казаликашвили. С этого времени они стали

участниками всех больших экспедиций на вершину, а Ягор Казаликашвили показал свое удивительное мастерство при восхождениях и на другие вершины.

При спуске на Девдоракском леднике группа Николадзе встретила другую альпинистскую группу, которая, проводя топографическую съемку, делая метеорологические и гляциологические наблюдения, медленно направлялась к вершине. Это была первая научная экспедиция только что организованной Геофизической обсерватории Грузии, со своим руководителем проф. Дидебулидзе. Среди ее семи участников одна женщина — Александра Джапаридзе. Этой экспедицией она начинала свою работу метеоролога-исследователя высокогорного Кавказа, которую продолжает и в настоящее время.

По инициативе участников этих экспедиций создано Географическое общество Грузии с альпино-туристской секцией при нем. Ее руководителем до самой смерти был проф. Николадзе. Секция объединила растущие альпинистские кадры Грузии.

В 1925 г. экспедиция из 11 человек с проф. Дидебулидзе и старым проводником мохевцем Котэ Пицхелаури установила на вершине Казбека метеорологическую будку с самопишущими приборами.

Уже первые советские восхождения 1923 г. резко отличались от практики буржуазного альпинизма Запада; нашим альпинистам присущи были основные черты советского альпинизма: массовость, тщательная подготовка к восхождению, связь с исследовательской работой научных учреждений.

Интерес к советскому альпинизму вырос не только у нас в Союзе, но и за его пределами.

Проф. Николадзе, находясь в 1926 г. в заграничной командировке, дважды делал на заседании крупнейшего в Европе Английского географического общества сообщения о работе грузинских альпинистов. В числе его слушателей был и престарелый Фрешфильд, который специально приезжал в Лондон, чтобы присутствовать на этом докладе.

Внимание советских экспедиций в то время привлекла западная часть Кавказа с другим снежным великаном — Эльбрусом. Но и Казбек не остался забытым.

В августе 1925 г. через сел. Гвелети и Девдараковский ледник к вершине поднялась группа комсомольцев. Остановившись в старой Ермоловской хижине, комсомольцы организовали в ней первый ленинский уголок на высоте 3480 м.

Путь С. Джапаридзе. В 1926 г. на Казбек поднялся С. Б. Джапаридзе с большой экспедицией Грузинского географического общества, замещая Г. Н. Николадзе, находившегося в заграничной командировке. Вместе со своей сестрой А. Б. Джапаридзе он стал неутомимым исследователем Казбека и навсегда связал свое имя с его ледяной вершиной. Ему первому удалось наладить съемку показаний с приборов, установленных на вершине, и открыть наиболее легкий путь к вершинам, который стал популярным для всех последующих массовых восхождений на Казбек.

С. Б. Джапаридзе, или просто Симон, как его звали туристы, проводники и товарищи по экспедициям, умел заражать своей энергией и волей к преодолению любых трудностей и препятствий.

Даже горцы-мохевцы удивлялись выносливости и ловкости Симона, называя его горным туром — высшая похвала, которую может здесь заслужить альпинист.

Экспедиция 1926 г., первая под руководством С. Джапаридзе, состояла из 11 человек — 6 мужчин и 5 женщин — и поднималась через Гергетский ледник с неизменными Гаха Циклаури и Ягором Казаликашвили. Последний вел экспедицию на верхнем, наиболее трудном участке пути. На ночлег остановились у языка Гергетского ледника (3100 м). Следующую ночевку сделали на высоте 4000 м, раскинув палатки на засыпанной снегом левой морене Гергетского ледника. 7 сентября в 6 час. 15 мин. утра вышли на штурм последнего участка пути перед вершиной и в 12 час. вступили на фирновое поле. К 4 час. достигли седловины, но позднее время заставило Джапаридзе отложить восхождение на следующий день, он уговорил всех вернуться к месту ночлега, хотя до вершины и оставалось всего 35 м.

На следующий день все отдохнули и поднялись до высоты 4200 м, где Ягор Казаликашвили ориентировался по камню, который черной глыбой поднимается на морене Гергетского ледника. К северо-востоку от этого камня, в защищенном от ветра месте экспедиция переночевала и дала и ему и камню прочно укрепившееся теперь название «Ягорас-ниши», т. е. «знаки Ягора».

В метеорологической будке, установленной экспедицией Дидебулидзе, сняли показания, но, увы, наивысшая отметка на шкале была 47° и термометр показывал — 47°. Поставили новый со шкалой до 75° и самопишущие приборы, барограф с шестичасовым и термограф с недельным заводом.

Все эти работы потребовали около 2 ½ часов времени, после чего начали спуск.

Возвратившись в селение, экспедиция совершила несколько экскурсий в предгорья Куро и в Гудушаурское ущелье, после чего большинство участников выехало в Тбилиси, а С. Джапаридзе, его сестра и А. Агниашвили вместе с Циклаури и Казаликашвили 15 сентября снова отправились на вершину, чтобы снять показания приборов-самописцев.

Шли по Девдоракскому пути (Более подробно путь на Казбек по Девдоракскому ущелью описан на стр. 132.). Дул сильный ветер, глубокий снег лежал на леднике и фирне. Гаха Циклаури не мог вспомнить здесь такого глубокого снега когда-либо в другие годы.

Идти было так трудно, что мохевцы стали поговаривать о возвращении. Тогда Джапаридзе сам пошел впереди и 1 ½ часа расчищал путь.

У самой вершины ветер затих, и последние метры перед вершиной, забыв о всех правилах восхождений, Джапаридзе бежал.

На вершине сняли показания самопишущих приборов, первые за все время существования Казбека: восьмидневную термограмму и шестичасовую барограмму. За 8 дней, прошедшие с 9 сентября, термометр отметил как минимальную температуру на вершине — 47°. Оставив снова в будке минимальный термометр на

долгую зиму, стали спускаться с твердым намерением снять его показания в будущем году.

Переночевали в уже полуразрушенной временем Ермоловской хижине, а утром, спускаясь по Барт-корту, встретили туров. Ягор метким выстрелом охотника уложил одного из них, большого шестилетнего самца. И в нижней Девдорацкой будке за нежным турьим шашлыком было отпраздновано удачное возвращение.

В следующем, 1927 г. С. Б. Джапаридзе 7 августа снова был на вершине, но без экспедиции. Его единственным спутником был Ягор Казаликашвили. Погода была плохая, до вершины не смогли донести самопишущие приборы и оставили их вместе с носильщиками на высоте 4200 м. Будка на вершине оказалась занесенной снегом. Очистив от снега и открыв дверцу будки, которая поднималась над снегом всего на 10—15 см, Джапаридзе снял показания термометра, оставленного в прошлом году. В первый раз была выяснена минимальная годовая температура на вершине. Термометр показывал —75,2°. (По отчетам С. Джапаридзе Грузинскому геофизическому институту и Географическому общ-ву Грузии).

На обратном пути пристроили самопишущие приборы между двумя каменными стенками на скале Ягорас-Ниши.

Через 10 дней, 27 августа, Симон Джапаридзе снял с них показания, а приборы перенес в будку на вершину.

В эти же дни на вершину Казбека проведен первый красноармейский поход, который можно считать началом альпинизма в рядах Красной армии.

Во время своих августовских восхождений 1927 г. С. Джапаридзе вместе с Я. Казаликашвили освоил новый путь: в обход вершин с запада по фирновому полю, с подъемом на седловину и оттуда на обе вершины с северо-западной стороны, вместо традиционного пути, установленного Фрешфильдом. Эта же

экспедиция показала, каким опытным и расчетливым альпинистом был С. Джапаридзе. Он обладал необычайным умением правильно оценить положение в горах, полным отсутствием риска и вместе с тем отвагой и решимостью, которые проявлял в нужную минуту.

Все эти качества особенно проявились в нем в 1928 г., когда он стал во главе отряда из 50 человек, в большинстве малоопытных туристов, и довел 41 человека, в том числе 7 женщин, по вновь открытому пути до вершины. К группе присоединились московские киноработники, которые засняли это восхождение и включили его в фильм «Врата Кавказа».

Этим восхождением было отмечено шестидесятилетие со дня первого восхождения на вершину Казбека. А глубокой осенью Джапаридзе вместе со своей сестрой и В. Каландаришвили установил на Казбеке новую метеорологическую будку, которой Геофизическая обсерватория решила заменить поставленную в 1925 г. экспедицией Дидебулидзе.

Это было восьмое и последнее восхождение С. Джапаридзе на вершину Казбека.

В 1929 г. драма на Тетнульде, другой «священной» горе старой Грузии, вырвала его из рядов советских альпинистов вместе с Пименом Двали. Старший товарищ Джапаридзе — Ягор оплакал в стихах смерть «стройного, широкоплечего, близкого сердцем» Симона.

В следующем же году лучшие альпинисты Грузии с Ягором Казаликашвили и Александрой Джапаридзе во главе «отомстили Тетнульду», покорив его вершину, а новый путь на Казбек, открытый Симоном, получил название «Пути Джапаридзе».

В 1931 г. проложены еще два новых пути к вершине.

Путь А. Джапаридзе. Брат Симона Александр Джапаридзе после большой подготовки проложил четвертый по счету путь к вершине — он прошел с северо-востока от сел. Казбек по хребту

Сарцевис, который окаймляет с севера ледник Абано. Не заходя на седловину с хребта, по фирну Джапаридзе поднялся на вершину. Путь этот труден и не вошел в число общеупотребительных путей, но много дал для изучения юго-восточного склона конуса.

Путь П. Маруашвили, Антоновича и Золотарева. Шестой путь на вершину был проложен в 1931 г. тбилисским журналистом П. Маруашвили и орджоникидзенскими альпинистами Антоновичем и Золотаревым. От Ягорас-Ниши они шли прямо к седловине, не обходя, как это делал Джапаридзе, западной вершины. От ледника до седловины их путь шел по довольно крутому фирновому полю, которое напоминает здесь большую воронку. По пути попадаетеся большое число трещин.

Путь трудный, но интересный и требует в среднем 8 часов подъема от Ягорас-Ниши до вершины.

После массовых восхождений 1928 г. по пути С. Джапаридзе серьезным препятствием к достижению вершины Казбека для рядового альпиниста было лишь отсутствие горного приюта, где можно отдохнуть, провести ночь перед подъемом и приучить свой организм к разреженному воздуху горных высот.

Старая хижина на Барт-корте была мала, тесна и находилась в разрушенном состоянии, а самый путь через Девдорак был более сложным. Поэтому ОПТЭ решило выстроить на Казбеке высокогорную хижину — приют в память Двали и Джапаридзе. В эти годы советская метеорология обогатилась новыми высокогорными станциями, на которых изучение атмосферы идет в нормальных стационарных условиях. Гидрометеорологический комитет Грузии решил открыть такую станцию и на склонах Казбека. Решено было объединить эти два начинания, построив метеорологическую станцию-приют им. Двали и Джапаридзе.

Гибель Шота Микеладзе. В августе 1932 г. из Тбилиси выехала экспедиция, которая должна была найти подходящее место для станции на склонах Казбека.

Начальником экспедиции был назначен Шота Микеладзе, 27-летний молодой инженер, председатель горно-лыжной секции ОПТЭ Грузии. Товарищ и спутник Джапаридзе по экспедициям 1927 г. на Казбек, Тетнульд и Эльбрус, он был известен как один из наиболее отважных и опытных альпинистов. Тщательный подбор экспедиции и участие Я. Казаликашвили заранее обеспечивали успех и никто не мог ожидать повторения на Казбеке драмы, разыгравшейся на Тетнульде.

5 августа экспедиция вышла из селения и обычным путем, мимо Цминда-Самеба, поднялась к Саберце и расположилась лагерем. Утро 5 августа было солнечное и ясное. Весь день посвятили основной цели экспедиции — поискам места для горной хижины. Но Микеладзе поставил перед собой и вторую цель: по окончании работ экспедиции взойти на вершину по новому неисследованному пути. Фрешфильд, Пастухов, Симон и Александр Джапаридзе взойшли и всесторонне исследовали путь к вершине. Лишь там, где по восточному склону конуса спускается скалистое тело Дракона — Гвелешапи, не ступала нога альпиниста. Шота Микеладзе решил освоить и этот труднейший путь. Весь день его не покидала мысль о восхождении, и среди других заметок он несколько раз заносил в свою записную книжку: «Завтра наверное пойдем на вершину по моему новому пути». (Здесь и дальше цитаты из записной книжки, найденной при Ш. Микеладзе (Протокол комиссии, обследовавшей причины его гибели).

А вечером, когда, закончив поиски площадки, остановились у скал Джапаридзе (3740 м), лежа в своей маленькой палатке, при тусклом свете свечи он снова записывает: «Путь труднейший среди всех известных путей».

Утром экспедиция разделилась на две группы, и от скал Джапаридзе Ягор со своей группой пошел на вершину обычным путем, где была назначена встреча, а Шота Микеладзе, взяв в спутники геолога В. Махарадзе, стал штурмовать скалу Гвелешапи.

День был ясный, солнце припекало. Ягор и его два спутника благополучно взойшли на вершину. Но Микеладзе на вершине не оказалось, снег был свеж и не протоптан, на крики никто не отвечал. Спускаясь, Ягор увидел, что маленькая палатка Шота у

скал Джапаридзе — пуста. Подозревая несчастье, он стал быстро спускаться вниз за помощью.

А Микеладзе со своим спутником в десятом часу утра поднялся на хребет, разделявший ледники Абано и Гергетский, к основанию скалы Гвелешапи. Микеладзе не ошибся. Путь был необычайно труден. «Ужасный подъем, лед», — то и дело записывает он на остановках: «50, 55°, в некоторых местах до 60 градусов уклона».

С большим трудом достигли высоты 4850 м. Микеладзе приходится идти все время впереди и рубить ступени во льду. Малоопытный Махарадзе идет за ним, охраняемый веревкой. Неожиданно Шота поскользнулся, веревка натянулась и, падая, он повлек за собой Махарадзе. Гибель была бы неминуема, но веревка зацепилась у самого края Гвелешапи и оба повисли с разных сторон скалы.

Было темно, каждое неловкое движение опасно, поэтому до рассвета нечего было и думать об освобождении. Так провели ночь. Только утром удалось встать на ноги.

Махарадзе стал настаивать на возвращении, но Микеладзе уговорил его продолжать подъем. Дойдя до места вчерашнего падения, геолог снова, теперь уже категорически, отказался идти дальше. Напрасно доказывал Шота, что спуск опаснее подъема, Махарадзе продолжал настаивать, и пришлось уступить.

Шота сделал свою последнюю запись в дневнике в 8 ч. 50 м. утра: «Ветер, непогода, холодно. Ночью на волосок спаслись от смерти. Изранил руки. Тут провели ужаснейшую ночь. Двигаемся все же, если только спустимся»...

Шли медленно. Охраняясь, крепили веревку к камням. Но это быстро надоело Шота. Ушибленная накануне рука ныла, на большом пальце была содрана вся кожа, наблюдательные приборы, взятые им с собой, мешали движению. Он стал спускаться без необходимых предосторожностей. Снова, вторично он поскользнулся, веревка натянулась и еще раз удержала бы Шота, но перетертая ночью она попала на острый камень и оборвалась. Шота

покатился по крутому скату, стремительно перелетел через гребень скалы и скрылся из глаз своего спутника.

Потрясенный Махарадзе долго не мог двинуться дальше. Как удалось ему преодолеть этот спуск, он потом и сам хорошо не мог вспомнить. Обессиленного, в полубессознательном состоянии его подобрала спасательная экспедиция.

Изуродованное тело Шота Микеладзе нашли только через 2 дня — 11 августа, в верховьях ледника Абано, куда он упал с большой высоты. Врачи установили, что смерть наступила мгновенно. В кармане Шота нашли часы с циферблатом, приплюснутым в момент падения. Они и отметили время гибели: 15 час. 25 мин. 42 сек.

Особая комиссия изучила всю обстановку восхождения и установила причины катастрофы: труднейший путь, обратный спуск, неопытный спутник, масса наблюдательных приборов, которые имел на себе Микеладзе, обрыв веревки.

В том же году группа товарищей, участников экспедиции, поднялась по пути Микеладзе через скалу Гвелешапи и установила, что этот шестой путь среди всех известных путей к вершине труден, очень опасен и непригоден для восхождений.